

В настоящей работе полностью охвачены все типы синтаксических конструкций действительного причастия наст. времени (основы на -nt) и действительного причастия прошедшего времени I (основы на -s) в памятниках старославянского языка. Автор стремится определить их синтаксическую функцию и значение и показать их место в языковой структуре старославянского языка, не рассматривая их ни в отношении времени и вида, ни в отношении залога.

Достоинными внимания автор считает следующие выводы:

Субстантивированные причастия (напр. *moljauše i bēsъnovavъi se* — см. §§ 6—28) представляют собой чрезвычайно часто употребляемое средство выражения; большей частью это переводы греческих причастий, которые, однако, переводятся на старославянский и иначе, чаще всего относительным предложением. Что касается взаимоотношений этих синонимических по отношению к греческому подлиннику средств, наблюдается тенденция не заменять в переводе на старославянский греческие субстантивированные причастия в косвенных падежах. Таким образом переводчики избежали коррелятивных конструкций, которые были бы в данных случаях необходимы и в которых употребление указательного местоимения могло им казаться в сравнении с греческим недопустимой вольностью. Подобную тенденцию избежать коррелятивных конструкций можно наблюдать также в выборе эквивалентов — причастия *su* или предложений с местоимением *iže* — взамен за греческий артикль с наречием или оборот с предлогом.

Субстантивации особенно часто в старославянском подвергались причастия в полной форме. Субстантивация именных форм встречается весьма редко. Выразительная тенденция к употреблению в качестве существительного причастия в полной форме проявляется при переводе греческих причастий без артикля (гл. обр. в косвенных падежах), а также в однородных членах предложения (причастие плюс другой член и другой член плюс причастие): на втором месте причастие в именной форме ставится большей частью лишь в случаях, допускающих другое понимание причастия, чем субстантивное; там, где речь идет исключительно о субстантивной функции причастия, ставится в большинстве случаев и на втором месте полная форма (напр. *blaženi ne vidělvъže i věrovavъže*). Неправильным является взгляд Грюненталя, будто в таких сочетаниях полными формами обозначаются разные одушевленные субъекты; наоборот, ходким является обозначение ими одного одушевленного субъекта. О том, как употребление полных форм становилось все более обязательным для выражения субстантивного характера, свидетельствуют также варианты из евангельских кодексов с полными формами, заменяющими более ранние именные формы.

Атрибутивные причастия (напр. *mъnoga tēlesa pčlvažōstičъ svētichъ* — см. §§ 29 до 47) также являются очень часто употребляемым в старославянских памятниках средством выражения, представляя собой большей частью эквиваленты соответствующим

щих греческих конструкций. Кроме примеров соответствующих семантически выражений и примеров, показывающих употребление полных и кратких форм причастий, внимание автора посвящено, главным образом, проявлениям тенденции ставить члены, распространяющие постпозитивное причастие, за причастием. Последнее явление, конечно, не встречается вполне последовательно; в памятниках засвидетельствованы и обороты, в которых выражение, распространяющее постпозитивное атрибутивное причастие, стоит между причастием и определяемым существительным. Это часто наблюдается особенно в именной форме причастий.

Дательный абсолютный (напр. *vyběžěta ima vь korablъ přesta vьtrъ* — см. §§ 48—64) имел значение, близкое к значению придаточного предложения обстоятельственного, но только в общем, без спецификации. Он употреблялся в конструкциях с разными подлежащими, подобно тому как деепричастное причастие употреблялось в конструкциях с одинаковыми подлежащими. Этот оборот характерен именно только для старославянского и не имеет аналогии в других славянских языках (примеры из украинских и болгарских говоров, приводимые иногда в связи с этим вопросом, неубедительны). Он возник как типично книжное средство выражения. Это не был ни грецизм (т. е. механически созданная калька), ни — с другой стороны — оборот, унаследованный с времен славянского языкового единства в той форме и в таком распространении, в каком он засвидетельствован в старославянском.

Конструкция винительного с причастием (напр. *azъ čuchъ silъ išьdъšq iz mene* — см. §§ 65—75) после глаголов выражающих восприятие или психическую деятельность имеет значение близкое к придаточному предложению изъяснительному (с изъяснительным наклонением). Являясь органически присущим старославянскому языку средством, винительный с причастием употребляется для перевода не только той же греческой конструкции, но и других конструкций, в особенности винительного с инфинитивом. В некоторых примерах это причастие стоит близко к атрибутивному причастию, в других же — к субстантивированному.

В главе, названной **Причастия в форме именительного падежа после некоторых глаголов** прежде всего рассматриваются причастные обороты после страдательных глаголов, обозначающих восприятие и психическую деятельность (см. §§ 76—80). Общепризнано, что эти конструкции по своему происхождению славянские, близкие к конструкциям винительного с причастием (ср. *obrěte se imqšti vь brěvě — obrěte je ležešq*). Причастия после фазовых глаголов (*jakože přesta glagole* — см. §§ 81—84), хотя и являются переводом аналогических греческих конструкций, одновременно являются и органическим старославянским средством выражения.

Приведенные глаголы иногда характеризуются как „неполнозначные“, „полусвязочные“ и т. п. Причастные обороты в сочетании с ними представляют промежуточное звено между причастиями после глагола *быть* (который полностью лишен реального лексического значения) и деепричастными причастиями после полнозначных глаголов.

Причастия в сочетании с личными формами глагола *быть* (напр. *člověky bodeši love* — см. §§ 85—114) хотя и являются большей частью переводом тех же греческих конструкций, но результаты сравнения с другими древними славянскими языками и становление их места в структуре старославянского языка показывают, что они являлись исконным и вполне употребляемым в славянском контексте средством выражения. В грамматическом отношении этот оборот иногда считался описательной, перифрастической формой спряжения, иногда же просто составным именным сказуемым, части которого до сих пор не слились окончательно в морфологическую единицу. Из подробного анализа всех особенностей, проявляющихся в употреблении этих конструкций, можно сделать заключение, что они в старославянском (а также в других древних

славянских языках), правда, не являлись еще устоявшимися описательными глагольными формами в настоящем смысле слова; но все же начинали появляться известные тенденции к их морфологизации. Что касается значения, эти обороты чаще всего имели оттенок действия, проходящего внутри длительного промежутка времени, или непрерывно, или с повторами, и рассматриваемого нередко как обычно повторяющееся, неактуальное. Приведенные конструкции не употреблялись, однако, только в указанном значении, которое вполне могло развиться из первоначального значения сочетаний глагола *быть* с причастием и распространение которого поддерживалось в древних славянских языках недостатком собственных, специальных средств выражения; они засвидетельствованы, хотя и гораздо реже, и с другими оттенками значения.

Самостоятельное предикативное причастие (§§ 115—119) — очень редкая, одиночная в старославянских памятниках конструкция. Примеры этой конструкции не вполне убедительны, так как при относительно невыразительном расчленении речи и при неразработанности графических средств, сигнализирующих паузы и интонационную организацию предложений, речь могла бы идти иногда о других типах причастных оборотов, напр. о причастии в роли второстепенного сказуемого, о причастии в роли именной части сказуемого после глагола *быть* и т. п. Все же нельзя полностью отрицать их органическую принадлежность к системе старославянского языка. Учитывая адъективный характер причастий, можно в примерах типа *tvore milostynjъ gospodъ* трактовать причастие скорее всего как именное сказуемое, также как в примерах с подлинным прилагательным (напр. *milostivъ gospodъ i pravьdъnъ*).

Причастия после относительно-вопросительных местоимений и союзов засвидетельствованы в старославянском с одной стороны в конструкциях общеславянских (напр. *ne vьsta zъ česo prozъšta* — см. §§ 120—123), с другой стороны в чисто старославянских и церковнославянских конструкциях с местоимением *иже* в роли подлежащего (напр. *blagi bogъ iže vьsja božestvъmъ zъ jeho podaję dъždъ zъpusti na zemljъ* — см. §§ 124—128). Из анализа этих конструкций с *иже* в роли подлежащего вытекает, что это были обороты е совсем устоявшиеся в отношении их значения и функции. Это было книжное средство выражения, возникшее из необходимости передавать значение греческого артикля, но с точки зрения языковой структуры старославянского оно представляло собой логическое завершение образования относительных конструкций и их более менее искусственное достроение новым типом. Поэтому в способе его употребления наблюдается интерференция обоих приведенных значений и обоих приведенных функций — функции „артикля“ и относительной функции.

Абсолютный именительный (напр. *vьsi jeti byvъše nuždaachъ ję žrti* — см. §§ 129—135) употребляется в том случае, если подлежащее действия, выражаемого причастием, не совпадает с подлежащим глагола-сказуемого; что касается значения, то эта конструкция близка к придаточному предложению обстоятельству с разными оттенками значения. Это — редко встречающееся средство выражения, которого не было в первоначальном переводе евангелий. Все же можно считать, что оно является исконным в старославянском языке. На его распространение в старославянском и церковнославянском повлияли обороты с разными подлежащими с точки зрения синтаксической, но почти одинаковыми с точки зрения логической, далее его близость к дательному абсолютному в отношении функции (и формы) и начинающийся процесс морфологического застытия причастий в несклоняемые выражения наречного характера.

Абсолютные безличных причастия (см. §§ 136—145) в формах на *-šte, -še* засвидетельствованы в разных конструкциях (чаще всего с инфинитивом, напр. *povelě svьzъgъvъše i biti i*). Основные типы этих конструкций возникли, вероятно, как согласованные конструкции (в им. множ. ч. муж. р. или в им. ед. ч. ср. р.), однако, формы на *-šte, -še*

стали особенностью этого типа в целом, распространившись даже в такие сочетания, где они не могли быть согласованными (напр. в предложениях, в которых субъект обозначаемого причастием действия выражен дательным именем). Таким образом, они представляют собой уже подлинные абсолютные конструкции.

Причастия в функции деепричастных оборотов (напр. *chodě že pri mori galilěiscěmь vidě dьva bratra* — см. §§ 146—176) являются очень распространенными конструкциями. Что касается их значения, они близки к придаточным предложениям обстоятельственным (подлежащее которых совпадает с подлежащим главного предложения), но без семантической спецификации. Иногда они по своему значению приближаются даже к действию, проходящему параллельно с действием глагола-сказуемого. Общей чертой обоих указанных семантических оттенков является, следовательно, значение „сопроводительности действия“. По своей синтаксической функции они, — как принято утверждать, — были второстепенными сказуемыми. О том, что эти причастия обладали большей степенью предикативного характера (что автором объясняется в духе чешской синтаксической школы как реликт их происхождения из именных предложений), свидетельствуют следующие явления: А. Сочетание причастных оборотов с глагольным сказуемым при помощи *i*, *a*, *ti* и т. п. Анализ вариантов из евангельских кодексов доказывает, что конструкции данного типа проникали в текст довольно интенсивно в процессе его дальнейшего переписывания и дальнейшей обработки, что автором рассматривается как проявление влияния живого языка на язык памятников. Но те же конструкции существовали, несомненно, также в первоначальном переводе евангелий, хотя только в сравнительно небольшом количестве примеров. Пониженную частоту их появления, которая особенно выразительна в сравнительном аспекте, автор объясняет тормозящим влиянием греческих подлинников, ибо они (при дословном переводе) предоставляли сравнительно мало возможности для таких оборотов. В этом отношении автор рассматривает влияние греческого совершенно противоположно французской школе (напр. А. Вайану), которая именно греческим влиянием объясняет возникновение этих конструкций, в ее толковании неславянских и неорганических в старославянских текстах. Б. Тесная связь с подлежащим, точнее сказано, факт, что подлежащее, общее для деепричастного причастия и глагола-сказуемого бывает составной частью препозитивного причастного оборота и находится, таким образом, в той же позиции, как и в препозитивном придаточном предложении. Эти его отношения можно проследить на некоторых особенностях, касающихся порядка слов, падежного управления (употребление то родительного, то винительного после отрицания) и, возможно, тоже пунктуации. В. Возможность согласования формы множественного числа с подлежащим в форме единственного числа, выраженным собирательным существительным. Согласование „по значению“ в таких случаях иначе характерно именно для предикативного отношения.

Функция деепричастного оборота, конечно, не вполне однозначна, а охватывает целую гамму оттенков: если эти отношения, с одной стороны, имеют функцию близкую сказуемому (второстепенному), то, с другой стороны, они — в особенности некоторые их типы — смежны с определением. Об этом свидетельствует несколько случаев различения с вариантами именных и полных форм.

В главе **Общая характеристика старославянских причастных конструкций** рассматривается место исследуемой старославянской системы в общеславянском процессе развития. В употреблении старославянских причастий наблюдается в многих случаях сходство с другими древними славянскими языками. Специфика старославянского вытекала из его характера письменного языка и была связана с тем, что старославянский язык стал языком письменности в результате продуманной и целеустремленной

деятельности филологически образованного лица и что он, как язык переводов, испытывал влияние языка подлинников — греческого — в самых разнообразных формах: а) Прямые синтаксические кальки, образованные по греческому, в старославянском почти не встречаются. Как кальки можно рассматривать только весьма редкие, одиночные примеры с родительным абсолютным. б) В некоторых случаях греческий образец играл роль толчка для образования и распространения старославянской синтаксической конструкции, которая, однако, не была прямым подражанием греческому подлиннику; греческая конструкция вызвала у старославянских переводчиков потребность передачи текста собственными средствами и предначертала возможность свободного решения, не становясь сама по себе прямым образцом. Такого рода являются причастные конструкции с *ize* в функции подлежащего и обороты с дательным абсолютным. Их нельзя считать калькой в полном смысле слова, но нельзя также понимать их как живое, органически присущее старославянскому средство. У них нет аналогии в других славянских языках — они являются книжным, свойственным именно только церковнославянскому выражением. Такие конструкции представляют собой, собственно говоря, более менее искусственное достроение грамматической системы старославянского языка, его обогащение новым, нужным языковым средством, не употребляемым в народном языке. в) Весьма существенное влияние греческий язык оказал на относительную частоту разных типов старославянских оборотов. Греческий несомненно активизировал в старославянских переводах средство, присущее живому языку, вероятно, скорее только потенциально — сочетание глагола *быть* с причастием; умножил также частоту употребления субстантивированных и атрибутивных причастий, причастий после фазовых глаголов и деепричастных причастий. Тормозящим оказалось действие греческого при употреблении винительного с причастием, причастий после действительных и вопросительных местоимений и сочетания деепричастных причастий с глаголом-сказуемым при помощи *i* и т. п.

Влияние греческого на синтаксис причастий в старославянском языке оказалось, следовательно, чрезвычайно значительным. Сильным влиянием греческого на частоту употребления отдельных типов причастных оборотов в языке старославянских памятников изменились их взаимные отношения и их отношение к синонимическим средствам выражения; таким образом изменилось и их положение в структуре старославянского языка и произошла их стилистическая переоценка. Итак, в результате влияния греческого общая картина употребления причастий в старославянском в самом деле тишина для него самого и отличается от всех других древних славянских языков

Перевел С. Жажга